

результаты творческой деятельности человека, его интеллектуального труда, т.е. имеется прямая и непосредственная связь между творчеством и интеллектуальной собственностью.

Однако ни один из специалистов в области интеллектуальной собственности не упомянул об обратной связи, и, таким образом, оказался совершенно неосвещенным вопрос о наличии (или отсутствии) обратной связи между интеллектуальной собственностью (изучением ее и объектов) и творчеством (процессом развития творческих способностей субъекта и их реализацией в объектах интеллектуальной собственности). По существу, это вопрос о наличии (или отсутствии), наряду с социальной и психологической функциями, также и педагогической функции интеллектуальной собственности. Имеется ли, а если есть, то каково влияние интеллектуальной собственности на становление, развитие и воспитание молодого специалиста, в частности инженера легкой промышленности или дизайнера?

Более детальное исследование взаимосвязи интеллектуальной собственности и системы формирования буду-

щего специалиста легкой промышленности – цель следующей нашей работы.

Е.Н. Шахов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Question is considered in article about correlation notion «intellectual property» and «exclusive rights» in civil legislation of Russia.

В последнее время наблюдается всплеск научно-исследовательского интереса к проблемам гражданско-правового регулирования вопросов, связанных с интеллектуальной деятельностью. В геометрической прогрессии растет количество журнальных и монографических публикаций, появляются учебники и учебные пособия, все чаще высказывается мнение о необходимости выделить новые правовые отрасли: информационное право, право Интернета, право интеллектуальной собственности и пр.

Это объясняется рядом причин как объективного, так и субъективного характера. Во-первых, бурно нарастающими общемировыми изменениями в производственных, организационных, коммуникационных технологиях, получившими отражение в теориях информационного общества. С. Глазьев на основе анализа основных концепций информационного общества составил список присущих ему характеристик¹:

1. Рост сектора услуг и роли услуг в промышленности и сельском хозяйстве.

2. Господство постфордистской экономики (гибкость производства, гибкость потребления и гибкость рынков). Интенсификация процесса глобализации.

3. Распространение гибкой специализации и гибкой занятости.

4. Трансформация категорий пространства и времени под влиянием информационных технологий. Формирование пространства потоков и вневременного времени.

5. Господство сетевых форм организации и деятельности. Разрушение привычных иерархий. Повышение роли вопросов идентичности в «сетевом мире».

6. Расширение сферы действия рыночных критериев (включение в эту сферу информационных аспектов жизни общества).

7. Возникновение информационного неравенства, которое, накладываясь на традиционное неравенство, углубляет социальную дифференциацию.

8. Рост количества информационного мусора. Рас-

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть IV (принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г.).
3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи классификации. Сборник статей. – М.: Статут, 2003.
4. Еременко В.И. Интеллектуальная собственность и исключительные права в законодательстве Российской Федерации // Изобретательство. – Т. VIII. – 2008. – № 5. – С. 1-8.
5. Интеллектуальная собственность: Основные материалы. В 2-х частях. Ч. 2 / пер. с англ. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
6. Козырев А.Н. Оценка интеллектуальной собственности. – М.: Экспертное бюро-М, 1997.
7. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации (Принята 12 декабря 1993 г.).
8. Ревинский О. Что регламент грядущий нам готовит? // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2008. – № 7. – С. 39-52.
9. Сенникова Н.Л. Концептуальный подход к праву интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. – 2008. – № 4. – С. 22-26.
10. Форстман В. О сущности исключительных прав и права собственности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2008. – № 9. – С. 20-29.

ширение масштабов манипуляции информацией («управление восприятием») и кризис сферы публичной информации.

9. Резкое повышение объемов и качества отслеживания со стороны государства и корпораций. Возникновение попыток ответного отслеживания и контроля со стороны граждан.

10. Возникновение нового типа войн – информационных войн.

Все эти изменения требуют адекватного правового регулирования.

Во-вторых, существенным фактором, воздействующим на развитие отечественного законодательства и правовой мысли в исследуемой сфере, является международное влияние, связанное с дисбалансом интересов стран – экспортеров и импортеров интеллектуального продукта. По данным Всемирного банка, на долю США приходится 34% мирового рынка информационно-телекоммуникационных технологий, на Европу – 29%, Японию – 12%, на остальные страны мира – 25%. Страны – члены ОЭСР осуществляют 85% совокупных мировых инвестиций в науку, 11% – Индия, Китай и Бразилия и новые промышленно развитые страны Восточной Азии, 4% – остальные страны мира.

На защиту и охрану интересов стран, в которых концентрируется производство интеллектуального продукта, направлена деятельность многочисленных международных организаций, основными из которых являются Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Всемирная торговая организация (ВТО), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), в соответствии с которым условия членства в ВТО являются приверженность страны к основным международным договорам, готовность обеспечить соответствующий уровень ее охраны, применение эффективных механизмов принудительного исполнения договорных обязательств.

В-третьих, национальные особенности современной российской экономической, политической и социальной ситуации, обусловленные задачами переходного периода, также являются фактором, стимулирующим научные исследования правовых аспектов интеллектуальной собственности. Необходимость построения наукоемкой, инновационной экономики, демократизация государственной жизни (в том числе посредством использования Интернет-технологий) и, таким образом, возможность снижения социальной напряженности – явления, требующие

правового осмысления и усовершенствования нормативно-правового регулирования.

Одним из наиболее привлекавшим внимание различных исследователей, является определение основных понятий – «интеллектуальная собственность» и «исключительные права», их разграничение и установление взаимоотношения между ними².

До 2006 г. в соответствии со ст. 138 Гражданского кодекса Российской Федерации интеллектуальной собственностью признавалось исключительное право гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ или услуг, т.е. понятия «интеллектуальная собственность» и «исключительное право» использовались законодателем как синонимы, что, во-первых, противоречило принципу Оккама о ненадобности умножения сущностей, а во-вторых, вносило терминологическую путаницу, так как понятие «собственность» в нашей правовой системе прочно связано с режимом вещных прав. Вместе с тем большинство авторов едино во мнении, что к интеллектуальной собственности не применим режим вещных прав.

Одной из причин сложившейся ситуации представляется исторически неодинаковое понимание интеллектуальной собственности на разных этапах развития правовой мысли и влияние предыдущих трактовок на современное законодательство.

Первые попытки защитить с помощью законодательства авторские произведения от несанкционированного заимствования и искажения были предприняты еще в Древней Греции. Так, существовало специальное положение, по которому рукописи важнейших трагедий должны были сдаваться на хранение в официальный архив, чтобы можно было проконтролировать, соответствует ли постановка пьесы оригинальному тексту³. Однако по сравнению с охраной вещных прав охрана прав на объекты творческой деятельности признается в мире совсем недавно.

«Не только в правовых системах примитивных народов, – писал известный российский цивилист И.А. Покровский, – но даже еще в праве римском духовная деятельность подобного рода не давала никаких субъективных прав на ее продукты их авторам и не пользовалась никакой правовой защитой. Всякий мог опубликовать или воспроизвести без согласия автора его произведение, осуществив его техническое изобретение. Насколько мало ценится в римском праве духовная деятельность мало по себе, видно уже из того, что в классическую эпоху, например, поэма, написанная на чужом писчем материале, или картина, нарисованная на чужой доске, принадлежали не поэту или художнику, а собственнику писчего материала или доски. Правда, для Юстиниана такая норма показала уже конфузной и была отменена, но, тем не менее, о каких бы то ни было авторских правах в Юстиниановом Своде нет речи»⁴.

Для возникновения прав на результаты творческой деятельности в обществе должны сложиться некоторые особые предпосылки. В.А. Дозорцев⁵ выделяет технологическую (изобретение книгопечатания и развитие машинного производства), экономическую (широкое вовлечение исключительных прав на идеальные продукты умственного труда в сферу товарно-денежных отношений), психологическую (сформировавшееся в течение столетий психологическое восприятие права собственности как священного и неприкосновенного), юридическую (исключительные права на результаты творческой деятельности являются, как и вещные права, абсолютными) и юридико-техническую (удобство обозначения двумя-тремя словами большого числа результатов интеллектуальной деятельности) предпосылки.

По мере появления этих предпосылок исторически первым способом защиты авторских прав стали так называемые, «личные привилегии», которые выдавались в Средние века королевской властью и представляли исключительное право издателя на определенное произведение и запрет другим издательствам выпускать произведение. Привилегии основывались на королевской воле. Система субсидий теоретически позволяла удовлетворить одну из целей, стоящих перед государством и обществом: предоставить изобретателям вознаграждение за труд. Но в то же время она в корне расходилась с основными принципами рыночного хозяйства: в рамках последнего труд каждого участника экономической жизни должен был оцениваться не государственным чиновником, а обществом, точнее, другими участниками рынка. Чтобы обеспечить такую оценку, изобретатель должен был стать товарладельцем, а изобретение – товаром. Наиболее действенным способом предоставления гарантий соблюдения интеллектуальных прав было бы законодательное решение этого вопроса.

Первая попытка законодательного регулирования творческих прав была предпринята в Венеции, где в 1474 г. была принята Декларация Венецианской республики, в соответствии с которой каждый гражданин, сделавший машину, ранее не применявшуюся на территории государства, получал привилегию, по которой всем остальным запрещалось в течение десяти лет изготавливать подобные машины. Это был первый патентный закон, в соответствии с которым 3 января 1491 г. дож Венецианской республики выдал некоему Петру из Равенны первый патент на публикацию его книги «Phoenix»⁶.

В XVII и XVIII вв. в Европе появляются законодательные акты, более подробно регламентирующие права изобретателей. Так, в 1623 г. в Англии Статутом о монополиях была установлена охраняемая законом привилегия на право пользования изобретением. В 1710 г. там же был принят «Статут королевы Анны» – первый закон по авторскому праву. Он закрепил личное право автора на охрану опубликованного произведения сроком на 14 лет, при жизни автора он мог быть продлен еще на 14 лет.

В 1787 г. Конституция обязала Конгресс США: «Содействовать развитию науки и полезных ремесел, закрепляя на определенный срок за авторами и изобретателями исключительные права на их сочинения и открытия».

Таким образом, исторически первой формой законодательного урегулирования творческих прав была конструкция исключительных прав.

Однако после Французской революции 1789 г. для регламентации интеллектуальных прав законодательство многих стран стало использовать понятие «интеллектуальная собственность». Право собственности в Гражданском кодексе Наполеона является самым абсолютным правом – его охрана есть венчающая цель всей юридической системы, первое средство гарантии индивидуальной свободы. Установление для авторов права собственности на их произведения означало высшую степень признания их прав.

Теоретическим обоснованием конструкции «интеллектуальной собственности» стала основанная на теории естественного права проприетарная (от лат. *proprietas* – собственность) концепция, созданная французскими философами-просветителями – Вольтером, Дидро, Гельвецием, Гольбахом, Руссо, – согласно которой право собственности на созданный результат творческой деятельности принадлежит автору, а не издателю, промышленнику или торговцу. «Право собственности на такой результат действует отдельно от его признания государством. За использование созданного творческим трудом литературного и художественного произведения, технического новшества автор вправе получить полагающееся ему материальное вознаграждение»⁷.

В XIX в. авторское право французского образца по-

служило моделью для остальных стран континентальной Европы, а также, после Второй мировой войны – и для Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Итак, первой причиной существующего в современном законодательстве двойственного обозначения интеллектуальных прав является неодинаковый смысл, вкладываемый в анализируемые правовые конструкции в разные исторические эпохи. Однако модель «права собственности» не позволяет охватить все многообразие регламентируемых отношений по поводу объектов творчества: во-первых, они включают в себя личные (моральные) и возникающие на их основе имущественные права; во-вторых, носят срочный характер; в-третьих, ограничены территориально; в-четвертых, имеют особую специфику возникновения и прекращения; в-пятых, основываются на законе, а не на фактической монополии; в-шестых, имеют отличия в правомочиях пользования и распоряжения.

Второй причиной представляются некоторые различия, связанные с существованием англо-американской и континентальной систем авторского права.

Если в странах с римско-правовой традицией была принята школа естественного права, в соответствии с которой в центре правовой охраны находилась личность создателя, творца, а законы только кодифицировали естественно существующие права человека, то общее право развивалось в другом направлении. В США и Великобритании писанные законы не кодифицировали «естественное право», а просто заменили его, изначально представив имущественные права в виде срочного исключительного права на воспроизведение⁸. Целью закона признавалась прежде всего защита имущественных прав создателей и издателей, которые приобретали права у первого создателя либо у его правопреемников. Таким образом, создатели могли уступать все свои права на произведение (если иное не было предусмотрено договором) в обмен на денежное вознаграждение.

Интернациональный характер правоотношений, связанных с интеллектуальными правами, привел к тому, что в нормативных актах международных организаций в XX в. стала использоваться терминология, свойственная как англо-американской, так и континентальной системам, а отсюда она была заимствована российским законодательством. В связи с этим в научной литературе высказывается мнение, что российское законодательство о результатах творческой деятельности основано «на эклектически собранных отрывках из различных теорий авторского и патентного права, что объективно отражает состояние научной мысли в нашей стране в сфере правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации»⁹.

С 2006 г. законодатель учел доктринальную критику и внес существенные изменения в гражданское законодательство: утратила силу ст. 138 ГК РФ, внесены изменения в перечень объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, с 1 января 2008 г. введена в действие часть IV ГК РФ, ст. 1225 которой трактует интеллектуальную собственность как результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

Внесенные изменения во многом разрешают существовавшие в исследуемой сфере проблемы. Основной упор в регулировании оборота результатов творческой деятельности делается на конструкции исключительных прав, как наиболее соответствующей специфике регули-

руемых отношений. Более точно определяется состав исключительных прав и признаки их оборотоспособности.

Вместе с тем изменения, внесенные в законодательство, породили ряд других проблем.

Законодатель по-прежнему не отказался от использования понятия «интеллектуальная собственность», что объясняется, видимо, стремлением обеспечить соответствие гражданского законодательства конституционным нормам, в которых упоминается интеллектуальная собственность (ст. 44 и 71 Конституции РФ). Как отмечал В.А. Дозорцев, «использование термина «интеллектуальная собственность» вполне правомерно в политических актах (например, в ст. 44 Конституции РФ) как выражение экономических и политических начал. Но употребление его как обозначение юридической категории никак не может быть признано удачным»¹⁰.

В новой редакции ст. 128 ГК РФ интеллектуальная собственность отождествлена с результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации, тогда как в соответствии с Конвенцией, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 г., – это права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а не сами результаты и средства.

Другая проблема – определение круга охраняемых законом объектов исключительных прав. Законодатель использовал принцип закрытого перечня, оставив за его пределами ряд объектов, требующих правовой охраны.

Таким образом, современное состояние российского законодательства в области гражданско-правового регулирования оборота результатов творческой деятельности характеризуется существенными изменениями, позволившими решить ряд проблем в сфере регулирования принадлежности и оборота результатов творческой деятельности (в частности, исключить отождествление исключительных прав и интеллектуальной собственности). Вместе с тем анализ внесенных новаций показывает, что появился ряд новых проблем, которые требуют дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

¹ Что такое информационное общество (электронный ресурс). – Режим доступа: <http://www.glazev.ru>, свободный. – Яз. рус.

² Из последних публикаций по данной теме можно назвать: Бакаева И.В., Стреглю В.Е. Интеллектуальная собственность как объект гражданских прав: проблемы теоретического анализа // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2008. – № 1; Войниканис Е.А., Якушев М.В. Мифология «исключительных прав» // *Законодательство.* – 2006. – № 2; Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. – М., 2005; Еременко В.И. Соотношение понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительное право» в Гражданском кодексе Российской Федерации // *Законодательство и экономика.* – 2008. – № 10; Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // *Журнал российского права.* – 2007. – № 12.

³ Вейнке В. Авторское право. Регламентация, основы, будущее. – М.: Юрид. лит., 1979. – С. 15.

⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. – С. 133.

⁵ См.: Дозорцев В.А. Новая эра в охране исключительных прав // *Право и экономика.* – 1995. – № 15/16.

⁶ См.: Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник. – М.: ТК Велби; Изд-во «Проспект», 2008. – С. 38.

⁷ Мозолин В.П. О концепции интеллектуальных прав // *Журнал российского права.* – 2007. – № 12.

⁸ Питта Л. Предусматриваемые законом США об авторском праве имущественные и моральные права авторов и изготовителей кинематографической продукции // *Бюллетень по авторскому праву.* – 1996. – № 3. – С. 6.

⁹ Еременко В.И. Соотношение понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительное право» в Гражданском кодексе Российской Федерации // *Законодательство и экономика.* – 2008. – № 10.

¹⁰ Дозорцев В.А. Права на результаты интеллектуальной деятельности. – М., 1994. – С. 141.